

«Крупнейшая политическая и творческая ошибка»

Эти опасения оправдались в 1930 году с появлением романа Либединского «Рождение героя». С первых же строк стало ясно, что не будет не только «лакировки», но и вообще предела «подробностям»: «Нагая женщина мылит свои волосы, под руками ее пузырится белая пена, и сверкающие потоки мыльной воды растеклись по желтому линолеуму. Женщина выпрямилась, — прозрачно-серебристые, почти голубые тени побежали по молочно-смуглой спине, и над широкими бедрами обозначились две одинаковые мягко затененные ямки. Женщина передохнула, и в лад ей передохнул Шорохов, попятился за порог комнаты и закрыл дверь так же бесшумно, как и открыл ее. И вот он опять в сумраке коридора перед дверью своей квартиры, но эта нагота мерцает перед ним — она словно вобрала белый блеск апрельского солнца и ослепила глаза — и он находит ее название — “Люба. Наша Люба. Наташина сестра”»¹¹.

Теория «живого человека» была настолько широка, что включала в себя табуированные в пролетарской литературе стороны жизни, такие как интимность и сексуальность. Дело здесь было лишь в пропорции. В приведенной цитате, например, содержится чуть не весь облик коммуниста Шорохова. Он больше смотрит (и на что!), чем действует; и *это* управляет им больше, чем партийные обязанности. Кроме влечения к сестре умершей жены, его, кажется, мало что занимает. В чем заключался самый горячий вопрос? Упоминается ли в романе что-нибудь о коллективизации или индустриализации? Нет, на протяжении первой его половины герой обеспокоен только одним: будет ли он спать со свояченицей. Уникальный дар сосредоточить почти все внимание на одном вопросе (замечательный с точки зрения революционной борьбы) тут разоружает, ослабляет героя. Погруженный в себя, Шорохов оказывается лишь свидетелем жизни. Больше того, он обладает престранной для большевика чертой: симпатией к врагу. «Он всегда старался человечно и с пониманием войти в положение того, кого ему приходилось судить. Он мог оправдать любое преступление, становясь на точку зрения того, кто его совершил»¹². Естественно, от этого падает идеологический авторитет такого героя. Какой пример подает он другим? Вот какая сцена раскрывается перед читателем, когда Шорохов, наконец, решает этот «проклятый» вопрос и берется, так сказать, за дело: «Что-то непривычно мешало Степану

Григорьичу (Шорохову — Г. К.) спать, и что-то другое, ропотливое, монотонно-дробное, влажно-хлопающее, тянуло обратно в сон. Но вот то, что мешало спать, оформилось как теплое дыхание, колеблющее волосы на виске, как шелковистая и тяжелая мягкость руки вокруг шеи, — и Степан Григорьич открыл глаза. Он признал себя проснувшимся за Любиной ширмой, и то, что было ночью, эти исконные, давно не испытанные радости, — все это опять обрадовало его...

Но теперь свежестью веяло из окна. То неостановочное, дробное и хлопающее, что его тянуло в сон, — было дождем; в углах еще дремала голубизна, но в городе звенели трамваи. Знакомое, давно не испытанное и ни с чем не сравнимое усталое успокоение чувствовал в себе Шорохов; он мысленно отделил тело Любы, налитое горячей, упругой и молодой жизнью, от своего тела и потому особенно ощутил вновь то, что произошло, и почувствовал гордость за свою мужскую силу¹³.

Этой ли «гордости», этой ли «силы» требовала партия от своих членов? Воля Шорохова уступает фатализму: «Да, должно было случиться то, что случилось». А сила проявляется только тогда, когда это выгодно ему самому, а не партии или обществу. С гнетом домашнего быта он справляется под стать своей «человечности». Бросив детей на Любу, он удирает в командировку. Неудивительно поэтому, что его сын, Боря, приходит к выводу, что «нам всем маленьким плохо!.. Большие... они не умеют обращаться с нами!» и ставит себе целью построить специальные «детские села», чтобы дети могли жить свободно «от взрослых, от всех этих пап и мам»¹⁴.

Трудно не согласиться с мальчиком. На остальных «пап и мам», представленных в романе, и вовсе не стоит возлагать надежду. Мать Бориной одноклассницы — сумасшедшая (ее первый муж убил второго) и бьет свою дочь. Коммунисты и того хуже. Все они, кроме Шорохова, заражены «эйдкуненством» (болезнь проявляется в «кичливом, поверхностно-правильно самоутверждающемся прикрывательстве, бессильно пасующем перед всем неосознанным и стихийным»¹⁵). И первый конфликт в романе, на котором Шорохов сталкивается с Эйдкуненом, исходит из противоположности взглядов на дело товарища, из ревности стрелявшего в жену.

Но даже если бы хоть в одном из персонажей и существовали какие-нибудь героические, мужественные качества, в сюжете нет той борьбы, обостренной и решительной, которая позволила бы ему эти качества проявить. Главные действия в «Рождении героя» — герои думают, видят, вспоминают, размышляют. К концу двухсотстраничного романа нет решения проблемы, если не считать им вывода, сделанного Шороховым, что он, наконец, избавился от своего «внутреннего Эйдкунена», и теперь должен спасти своего нового (в этот раз от Любы) ребенка от того же заблуждения. Действие происходит в 1924 году (год смерти Ленина). И ребенок (также символически) носит имя «Владимир». Это могло вызвать опасения: не хочет ли Либединский этим сказать, что именно в таких условиях — со всеми грехами наружу — должно жить новое поколение, то поколение, которое поведет мир к коммунизму?

Критики не замедлили с ответом, но лишь один безоговорочно одобрил попытку изобразить большевика изнутри — Ефим Добин. Согласно постулатам теории «живого человека», он увидел достоинство романа в том, что здесь показан процесс переделки человека¹⁶. Либединский выясняет те враждебно-классовые влияния, которые мешают появлению и росту настоящих героев. Вот почему в конце герой романа весьма далек от того, чтобы являть собой образец мужества; он «конгломерат» противоречий, и факт его борьбы с ними не должен нас удручать. Читатель учится не на готовых схемах, а в том случае, когда произведение открывает ему глаза. Прежде чем преодолеть противоречия, утверждал Добин, надо их вскрыть.

Других же рапповцев «Рождение героя» поставило явно в затруднительное положение. Ермилов, Дм. Мазнин, А. Тарасов-Родионов охотно и открыто признали тот вклад, который Либединский внес в советскую литературу своими ранними произведениями, но колебались в оценке «Рождения героя». В основном они считали, что ошибка Либединского состоит в том, что многое в романе показано односторонне. По словам Ермилова, их товарищ «не сумел с полнотой и ясностью материалистически объяснить диалектику борьбы Шорохова с Эйдкуненом и преодоление последнего первым»¹⁷. В колебаниях ощущалась смущенность: как отмежеваться от «ошибки» собрата, от его «пикантного» изображения советской жизни, не ставя под сомнение правильность самой теории «живого человека»?

Большинство же критиков о таких тонкостях («перегнул ли палку» тов. Либединский, свернул ли он с пути) спорить не стало. На их взгляд, Шорохов воплощал все, что тормозило развитие «настоящей пролетарской литературы»; все, что отвлекало читателей, по словам «Литературной газеты», «от волнующих нас вопросов»¹⁸; все, что отделяло писателей от запросов народа. Короче, все, что необходимо было искоренить в современной литературе. Какой же «хлам» — вместе с «живым человеком» — проник в пролетарскую литературу, загрязнив ее знамена? Список, оказался впечатляющим:

- копание в себе: «дебри анализа, самоанализа и анализа этого самоанализа»¹⁹;
- увлечение подсознанием: «герои Либединского представлены нам какими-то разбуженными везувиями, извергающими огненные потоки “подсознательного”»²⁰;
- порнография: «инстинкты и биологическое влечение к Любе являются основным стержнем, вокруг которого построено произведение»; автор «выпятил половую проблему»²¹;
- разложение семьи: «с каким безнадежным скептицизмом смотрит Либединский на вопрос о браке: современная форма семьи насквозь прогнила, а новая — где она? Либединский не показывает даже черновых набросков будущих форм брака, подводя читателя к мрачному выводу: “как ни кинь — все клин”»²²;
- пессимизм: «Произведение оставляет тяжелое впечатление неразрешимости, никаких проблесков, ясных путей к будущей светлой жизни — нет»²³;
- пассивность: «гиперболизация внутренних колебаний, ведущая к невероятному замедлению, почти атрофии поступков человека»²⁴;
- игнорирование коллектива: «индивидуум выдвигается как главный объект художественного внимания»²⁵;
- бегство от борьбы: «все оторвано от практики, изолировано от классовой борьбы, вне всякой связи с конкретными задачами класса»²⁶;
- отсутствие классовой установки: «“драма” Шорохова развивается и протекает как бы в безвоздушном пространстве, в изоляции от конкретной классовой действительности»²⁷;
- отсутствие марксистского подхода: «Либединский не показывает движения через эти противоречия к какому-то новому высшему идеалу»²⁸;
- срывание масок: «Либединский задался целью сорвать маску казенщины и поверхностности с обычного показа коммуниста, но он вместе с маской сорвал и лицо»²⁹.

Поэтому так легко оказалось найти в «Рождении героя» не только демонов-теоретиков: Фрейда, Деборина, Воронского, Бергсона³⁰, но и демонические «измы»: меньшевизм, идеализм, а чуть позже — формализм³¹ и троцкизм.

Список этот заслуживает того, чтобы рассмотреть его подробнее. Прежде всего, становится ясно, какую услугу оказал Либединский своим оппонентам. В конечном счете, роман «Рождение героя» оказался направлен *против* теории «живого человека». До появления романа, полемика вокруг психологизма шла больше на теоретическом уровне, теперь же, благодаря Либединскому, критики «жи-

вого человека» перешли в прямую атаку. Своим романом Либединский раз и навсегда дал оппонентам неопровержимое доказательство порочности рапповских устремлений³².

Нападки на Либединского были поддержаны публикацией писем и отзывов рабочих. Голоса «снизу» во многом, как правило, повторяли мнения критиков. Одни выражали сомнение, что это Либединский написал «Рождение героя»; им, мол, известен *другой* Либединский. Другие считали, что он изменил читателям, опубликовав произведение, «чуждое и непонятное коренному рабочему-пролетарию»³³. На взгляд многих, преклонение перед «живым человеком» только отрывало пролетарскую литературу от читательских масс. Один литкружок на Кавказе даже провел суд над романом, вынеся обвинение по восьми пунктам. Автора признали, безусловно, виновным³⁴.

Однако тот факт, что рабочие «официально» и якобы в один голос осуждали роман, имел и другое, более важное значение. Их упреки показывали, насколько их требования не удовлетворяются современной литературой. Поэтому суд над «Рождением героя» значителен не столько осуждением, сколько приговором: «Суд считает, что Либединский должен дать продолжение этого произведения с показом действительно здорового живого коммуниста». В этом приговоре коренится главное в кампании против психологизма — утверждение, что Шороховы не реальные коммунисты, но вымышленные люди. Аргумент напоминает о том, каким образом напостовцы в свое время опровергали схематизм. Обвинение в отрыве от действительности было наиболее весомым. Так, И. Виноградов, подтверждая мнение рабочих читателей, заявлял: «Руководящий работник, старый большевик, для которого любви затененные и нежные ямки над широкими бедрами важнее, чем работа — да ведь это чепуха, это бесконечно далеко от подлинного, правдивого изображения, от подлинной типичности... Шорохов не является типом большевика ни на протяжении романа, ни в своем “втором рождении”»³⁵.

Таким образом, в «Рождении героя» был вскрыт «вопиющий недостаток»: Либединский не просто «чернит» советскую реальность, но и игнорирует темпы переустройства общества, тогда как, по утверждению критики, «в нашей действительности рождаются тысячи и сотни героев»³⁶. Отсюда — тревога: где же их изображение? Явный отказ Либединского от такого изображения сделал «Рождение героя» произведением идеологически вредным. Автор, который закрывает глаза на здесь и сейчас совершающиеся чудеса, фактически фальсифицирует современность — неосознанно или из-за невежества. Он, по словам Н. Свирина, делает «два шага назад».

Будем помнить и о том литературном фоне, на котором шли споры о «Рождении героя»: еще не успела стихнуть кампания против «Собачьего переулка» Льва Гумилевского, «Луны с правой стороны» Сергея Малашкина, «Без черемухи» Пантелеймона Романова, как Либединский внес свой вклад в столь идеологически подозрительную тему, как сексуальная жизнь нового человека. Но если первые три ограничились, по крайней мере, комсомолом и молодежью, то Либединский добрался до партийцев, как будто в насмешку: «Поскребешь большевика — найдешь развратника». Если даже под пером такого опытного пролетарского писателя как Либединский, новый человек принял столь уродливый (если не сказать — отвратительный) вид, чего же ожидать от «литературного молодняка»?